

**Международная научно-практическая конференция
юридического факультета Волго-Вятского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
«Неволинские чтения-2023»**

**«РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА»**

**Секция 6: «Конституция Российской Федерации и применение норм
международного права на территории России»**

г. Киров, 14 декабря 2023 года

Выступление на тему:

**«Конституционное значение единообразного толкования
норм гражданского права в России»**

Монастырский Юрий Эдуардович

**Д.ю.н., профессор кафедры гражданского права и процесса
Юридического института СевГУ,**

профессор кафедры международного частного и гражданского права МГИМО

Задача максимально одинакового понимания норм гражданского права современными законодателями и в юрисдикциях может и не ставиться.

Ее нет в странах общего права, составляющих, по сути, полмира: Индия, США, Великобритания, многие страны Африки, Азии, где, как мы знаем, со студенческих лет нормотворчеством занимаются суды в плотном потоке правоприменения и громадном, при том документально сохраняемом, массиве судебной практики, где делается выбор между *ratio* из различных конкурирующих правил, судебных прецедентов, из авторитетной литературы. Скрупулезность, тщательность и справедливость есть лозунг англосаксонской модели действия частного права. Романо-германские, точнее сказать, континентальные юрисдикции имеют задачу — одинаковое понимание смысла правовых норм в качестве и цели, и смысла судебной деятельности.

Единообразие есть также системообразующий принцип не только процессуального, но и гражданского права. Он позволяет строить прогнозы в правоприменении, создавать юридическую определенность, обеспечивать усовершенствование законодательства и практики, происходящее путем развития и наращивания смысла и норм, и особенно терминологии. Например, фундаментальная правовая категория «интерес» прошла длительный диалектический путь смысловой эволюции. В российском понимании это — мотив к сохранению и приобретению имущественных либо личных благ. А, например, в европейских странах интерес есть основной вид имущества и объект деликтных правонарушений, что выражается в

Принципах европейского деликтного права от 2002 года. В Императорской России понятием «имущества» обнимались движимые и недвижимые вещи, произведения авторов, промышленная собственность, а также долговые требования и претензии, имеющие форму иска, но не права обязательственного требования, каковые являются основным массовым видом имущества сегодня. Для континентальной правовой системы стремление к единому пониманию — это и самоцель, и единое и главное устремление, иногда выводящее на второй план такой важный идеал как справедливость. Не глобально, но в ряде известных проявлений, например, в силу усреднения и понижения стандарта возмещения при смерти лица, предоставляющего содержание иждивенцам, справедливость приносится как бы в жертву ради единого знаменателя и определенности, не достигается работа такого начала деликтного регулирования как полное возмещение в потерянном имуществе в виде того самого денежного содержания, в виде части утраченной зарплаты, заработков, доходов.

Нужно напомнить, что задача на достижение унификации судам некоторое время не ставилась. В начале XIX века до принятия судебных уставов и проведения одноименной реформы в России не был установлен канон стандартизации решений. Более того, даже после этого дела между крестьянами и в сельских местностях разбирали волостные и иные нижестоящие суды, руководствуясь не нормами Свода законов и практикой их применения, а обычаями, когда за имущественное правонарушение, неисполнение договора могли назначаться телесные наказания: розги и другие санкции. А в наследственных делах не употреблялся такой инструмент как завещание, имущество переходило просто к наиболее достойному сыну в силу обычая несмотря на то, что покойный мог оставить какое-то распоряжение. Первым регулятором, инструментом достижения единообразия стал Правительствующий Сенат Российской империи как высшая судебная инстанция, производящая официальное толкование норм. В Статье 815 Устава гражданского судопроизводства было записано: «Все решения и определения кассационных департаментов Сената, которыми разъясняется точный смысл законов, публикуются во всеобщее сведение для наставления единообразному применению и истолкования оных».

Сенат действовал как кассационная инстанция, не обременяясь разбором фактических обстоятельств и доказываниями. Он также решал, сколько из тысяч рассмотренных в год дел опубликовать и какие из них. Таким образом, регулирование и одинаковость достигались еще и этим — печатанием именно характерных руководящих, как представлялось ему, решений и не обнародование, оставление втуне иных актов. Справедливо отмечалось, что Сенат занимал столь высокое ответственное положение, много способствующее тому, что национальные

казуистические законы, не объединенные в систему, как таковые, все-таки продолжали работать без существенных проблем три четверти века.

Теперь два слова об обсуждаемом принципе судебной практики, и о том, как и где он выражен сегодня. Нужно отметить, что мы находим прямое указание к единообразию практики: в ГПК – п. 3 ст. 391.9 и в АПК – п. 3 абзац 2 ст. 308.8. В действующих нормах об обязательности единообразного применения больше нигде не сказано. А приведенные статьи говорят о поводе к отмене судебных решений в порядке надзора. Такого ориентирования не существует для кассационных и апелляционных инстанций, в то время как в Российской империи обеспечение этого принципа было задачей кассации. Несмотря на сказанное, риторику о том, что нет достаточных указаний, что он существует, данный канон является самым важным и имеет, о чем мы скажем ниже, конституционную основу.

Необходимо напомнить ученой аудитории, что в гражданском праве принципы не только закрепляются в недвусмысленных положениях закона, но и выводимы путем толкования норм, причем это необязательно означает более низкий уровень или значение таким образом извлекаемых принципов. Более того, они могут проявляться и утверждаться помимо поправок и возникать ввиду сложившейся доминантной точки зрения в доктрине либо вытекать из разъяснений высшей судебной инстанции, которая в соответствии с Конституцией дает «разъяснения по вопросам судебной практики» (ст. 126 Конституции России). Вот только некоторые гражданско-правовые принципы, которые в ГК напрямую не изложены: защита слабой стороны в имущественных отношениях, недопущение обогащения в результате принудительной реализации требований, *pacta sunt servanda*, имущественная и нравственная автономия личности, исключение дублирования санкций за одно правонарушение и т.д.

Дамы и господа, очень важно определиться с содержательным объемом важнейших правовых категорий. Примером могут служить в гражданском праве основные начала законодательства и его принципы (Статья 1 ГК РФ). В цивилистических трудах МГУ до сих пор из учебника в учебник кочует утверждение о том, что принципы права и основные начала законодательства — это синонимы. Причем корифеи, казалось бы, опытные, почти непогрешимые в теории, такое высказывание поддерживают. Но на самом деле основы гражданского законодательства — это ориентиры, предназначенные для законодателя, когда последний формулирует правовые положения в сложившейся конфигурации норм. Принципы же права — это системообразующие начала, позволяющие упорядочивать не законотворческий процесс, а уже непосредственно правоприменение.

Принципы, вытекающие из фундаментальных положений Конституции и образующие важные скрепляющие догматы в значимой отдельно взятой правовой отрасли, а именно «цивилистике», а не выкристаллизовавшиеся из толкуемых норм и поддерживаемые только доктриной, становятся более важными, более устойчивыми. Принцип единообразного применения гражданского и арбитражного процесса и унитарного правового значения норм как цивилистический канон выводим из статьи 6 Конституции РФ об обеспечении единого экономического пространства в РФ, достигаемого и отсутствием таможенных фискальных перегородок и барьеров, и общим правовым полем, где субъекты коммерческой хозяйственной деятельности работают. Таким образом создается представление о сути своих прав и обязанностей.

Вместе с тем нужно понимать, что отклонение от мнения большинства в судебной деятельности не должно влечь автоматическую отмену решения вышестоящей судебной инстанцией. Здесь можно говорить о всего-навсего возникновении риска критики и отмены данного решения и не более того. Об этом высказывались досоветские цивилисты, они говорили: «Неправильное толкование законов в решениях судебных мест ... суть явление — переходящее. Они рано или поздно будут исправлены судебной практикой, которая при беспристрастном возобновлении и пересмотре подобных вопросов имеет способность самоисправляться, чему содействует, между прочим, внимательное изучение материала прежних решений». И это я цитирую Постановление Решения Кассационного сената 1896 года № 122.

По ряду очевидных и прямо ощутимых причин единообразие практики в РФ не может работать линейно. Ввиду огромной территории и гигантского количества миллионов споров, рассматриваемых судебным корпусом ежегодно, ориентир единообразия дает только высшая судебная инстанция. Именно неследование указаниям Верховного суда есть повод для пересмотра решений и апелляционной, и кассационной инстанциями, но по вопросам складывающейся судебной практики решения и точка зрения большинства не имеет правового значения. Более того, процесс постепенного складывания единообразия благоприятен для гибкости и эластичности практики. В этой системе важно, чтобы соблюдались две вещи. Первая – высшие судебные инстанции могут пересматривать свои собственные решения, обеспечивая развитие права. Вторая – выводы ВС не должны иметь обратной силы, а относиться к будущему. Тем не менее каждый суд должен руководствоваться стремлением вклада в единообразие практики, так как это – фундаментальная цель судебной власти, процесс достижения которой может породить временный исправляемый разнбой.